

О НЕКОТОРЫХ РУССКИХ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

А. КОНЕВЕЦКИЙ

Местоименные наречия являются самыми древними наречиями, сохраняющимися и поныне в том или ином виде во всех славянских языках. Эти наречия неоднократно привлекали к себе внимание как русских, так и зарубежных исследователей. Но интерес проявлялся в основном к раскрытию их происхождения. Высказано много разных точек зрения на образование различных групп местоименных наречий; одни из них более приемлемы, другие — менее.

В данной статье излагаются результаты наблюдений по вопросу, который почти не затрагивался исследователями: о морфологическом и семантическом развитии некоторых местоименных наречий пространственного значения в русском языке в письменный период (по памятникам письменности с 11 по 20 век)¹. При этом, конечно, нельзя совершенно обойти молчанием этимологическую сторону данной проблемы, но затронута она будет лишь настолько, насколько будет нужно при рассмотрении интересующего нас вопроса.

Уже первый взгляд на систему местоименных наречий с пространственным значением, отразившуюся в письменных памятниках древнерусского языка старшего периода, дает возможность понять, во-первых, насколько она была сложнее современной системы, во-вторых, то, что возникнуть такая система могла только на очень широкой базе древних вопросительных и указательных местоименных основ.

Известно, что в глубочайшей древности, еще до образования общинно-европейского языка-основы, для выражения разных оттенков указания употреблялось значительное количество местоименных корней [23, 332—334; 22, 50]. Эти указательные местоименные слова первоначально совмещали в

¹ Местоименные наречия древнерусского языка рассматриваются в некоторых диссертациях, но в них даются лишь классификация (принципы у авторов разные) и некоторые замечания, касающиеся происхождения или образования наречных форм [30, 363—348; 32, 258—285; 25, 190—220].

себе функции указательных частиц, наречий и местоимений [22, 106–107]. Специфика их заключалась в том, что они не называли и не характеризовали отдельных предметов, признаков или определенных количеств, а лишь указывали на них. В таком случае указательные слова должны были занимать центральное место в речи, поскольку обладали способностью заменять не только отдельные слова, но также целые предложения и даже большие отрывки текста, а следовательно, помогали экономно выражать мысли.

На базе указательных местоименных слов с течением времени возникли классы неизменяемых указательных частиц (или наречий) и изменяемых указательных местоимений [49,9–10; 45, 400; 56,11; 48,66; 22,39–40,107, 139]. Кроме того, в результате длительного развития как следствие более высокой степени абстракции произошла группировка указательных местоименных слов по нескольким основным типам указания. Та трехступенчатая (тринарная) система указательных местоимений, которую мы наблюдаем в древнерусском языке (**сь, тъ, онъ**), — по всей вероятности, лишь остаток более сложной и направленной по всем осям координат системы указательных слов. Уже в письменный период происходит дальнейшее развитие тринарной системы указательных местоимений и превращение ее в бинарную.

Факты индоевропейских языков, современных и древних, а также языков других семей дают право говорить, что образование наречий началось еще на дообщиндоевропейской почве. Представление о наречии как о части речи позднейшего образования не кажется нам верным². Представление это исходит из того, что наречия образуются от многих частей речи и что семантический круг наречий! очень широк (пространственные, временные, причинно-следственные, определительные и др. отношения). Наречия могли возникнуть и на неширокой базе, а потом постепенно ее расширять по мере появления новых частей речи. Это мы видим в настоящее время на примере образования наречий от новой категории — деепричастий. К тому же, представления человека об отношениях, существующих в реальной действительности, тоже расширяются. Первоначально человеческое мышление выделило пространственные отношения, как наиболее очевидные, и лишь потом постепенно все остальные. Поэтому и можно считать, что первичной базой образования наречий были указательные местоименные слова, близко к ним примыкающие вопросительные, а несколько позже и относительные местоименные слова, возникшие из указательных [22, 55–57].

Учитывая, что для индоевропейского синтаксиса наиболее характерной синтаксической связью является примыкание [23, 304–305], можно предпо-

---

² О том, что наречия древнее прилагательных, высказывался еще А. Белич [1, 77–98].

ложить, что все эти местоименные основы в своей исходной неизменяемой форме часто примыкали либо к имени, либо к глаголу. В первом случае такое слово становилось предлогом, во втором, в зависимости от степени примыкания, — наречием или приставкой [23, 158]. Характерно, что в санскрите еще сохранялось такое положение, когда одно и то же слово могло выступать в роли наречия, предлога и приставки в зависимости от позиции в предложении, но и в санскрите это проявлялось уже как архаизм [14, 120–121]. Древнейшие указательные слова дошли до нас либо в виде изменяемых местоименных основ, либо в виде предлогов и приставок [13, 230]. К началу письменного периода в славянских языках сохранились следующие указательные местоимения: **и, съ, ть, онъ, овъ, инъ**. Другие указательные местоименные слова сохранились или только в виде предлогов-приставок (**въ, на, по, за, до, об, отъ, пере-** <*рег- и др.), или встречаются как в местоимениях, так и в предлогах и в приставках (**къ-то, съ, къ, съ, съ-**).

С развитием в общиндоевропейский период наряду с примыканием других типов синтаксической связи — согласования и управления — происходит становление флективного строя языка. В связи с этим на пространственные отношения стали указывать не только формы прямого падежа местоименных основ, но и косвенных падежей. Первоначально формы эти, как и вообще падежные формы в древности, были неоднозначны.

Дошедшие до нас местоименные наречия являются результатами этого нового этапа развития местоименных основ и связаны с изменяемыми местоименными формами. По утверждению В. М. Жирмунского, современные местоименные наречия — архаические падежные формы от местоименных корней [13, стр. 240]. Самое древнее наречие, образовавшееся из падежной формы указательного местоимения и сохранившееся в русских письменных памятниках — наречие **ту**.

О наречии ту

Наречие **ту** представляет собой совершенно отличную от других местоименную наречную форму. Образовалось оно от указательного местоимения ***тѣ** и является скорее всего формой местного пад. ед. числа муж. рода. Наречие **ту** возникло в глубокой древности, о чем свидетельствуют, во-первых, наличие его в славянских языках всех ветвей (ст. слав. **тоу**, серб. **ту**, словенск. **tu**, польск. **tu**, чеш. **tu**, словац. **tu**, древнерус. **ту**, укр. диал. **ту**), во-вторых, совмещение пространственных и временного значений. Многозначность наречия **ту** — следствие того, что возникло оно в те далекие времена, когда большую роль для определения значения наречия играл глагол, к которому наречие

примыкало и который уточнял пространственное значение наречия³. Многочисленность наречия *ту* была также причиной того, что оно рассматривалось языковедами то как бывший дат. пад. [9,381; 16,24–25; 15,75; 30,375; 31, 488], то как винит. [12, I, 489], то как местн. [7, 26; 47, 108; 44,12].

В памятниках древнерусского языка наречие *ту* встречается с II по XVIII век со значениями „там“, „туда“, „здесь“ и „тогда“ и уже, по-видимому, в начале письменного периода воспринималось как архаизм, поскольку встречается в основном в книжных текстах и лишь в единичных случаях в деловых документах.

Наибольшую употребительность наречие *ту* имело с локативным значением „там“ (обычно при глаголах бытия или состояния): *идеже духъ, ту и отць и сынъ*. ИзбСв 1073 г., 51; *дошедъшимъ же намъ тамо обрѣтохомъ ту мниха*. СинПатер, 18, XII в.; *А гдѣ ся тяжа родить ту ю кончати*. Док. XIII в. (РЛА, 9); *А гдѣ будетъ намъ... любо... ту мы владыку поставимъ по своен воли*. Док. XV в. (ГрНП, 132); *ведаеши ли ты о сем, что идеже любовь, ту и бог*. Посошк., 53, 1724 г.⁴

При глаголах, обозначающих движение, наречие *ту* выступало со значением направления (лятивным) – „туда“, но употреблялось нешироко: *видѣвъ же нѣкую вѣдовицу убогу вѣмѣтающу ту дѣвъ лептѣ*. Остр. ев., 116, XI в.; *самъ же ночью узвѣратися и вѣниде ту паки*. ЕфрС, 134, XIII в.; и *въ то время стояше Изяславъ... въ Островѣ, Ростиславъ же приѣха ту*. Ипат. лет., 372, XV в.; *По сем же начаша ту приходити татары*. Сибир. лет., 281, XVII в.

Значения „там“ и „туда“ были, по всей вероятности, для наречия *ту* исходными, поскольку сама местоименная основа *тъ*, от которой оно произошло, указывала на несколько удаленный, но видимый предмет.

Локативное значение „здесь“ возникло у наречия *ту*, по-видимому, позже. С преобразованием тринарной системы указательных местоимений в бинарную поле значений основы *тъ* расширяется и в ряде славянских языков вытесняет из употребления основу *сь* [51, 21]. В какой-то мере это наблюдается и в русском языке. Но в памятниках *ту* со значением „здесь“ встречается значительно реже, чем с первым локативным: и глагола *ученикомъ сядѣте*

³ Аналогичное положение сохранилось и до настоящего времени во многих современных языках индоевропейской семьи. Ср. в литовском языке: *kur* – „где“ и „куда“, *ten* – „там“ и „туда“, *čia* – „здесь“ и „сюда“.

⁴ Вследствие недостаточности списка примеры даются в ограниченном количестве, но обязательно приводится самый ранний случай употребления, зафиксированный в наших материалах, и самый поздний, если наречие перестает употребляться вообще или встречается в памятниках.

ту, дондеже шьдъ помолюся тамо. Остр. ев., 159, XI в.; дѣють ся предивная чюдеса... и не ту единде нѣ и по всѣмъ... землямъ. БорГл, 25, XIIв.; И вставъ Давыдъ рече: ать иду по нь, а ты ту, брате, поседи: Ипат. лет., 233, 1425 г.; уне ми есть умрети ту неже на чюждеи странѣ. УстЛС, 36, XVI в.

В древнерусском языке слова, выражающие пространственные отношения, могли быть использованы и для выражения временных отношений [43, 255]. Происходило это в тех случаях, когда локативные или лятивные наречия употреблялись при глаголах, действие которых вообще или контекстуально нельзя представить пространственно, а можно лишь связать со временем свершения. Наречие **ту**, хотя и не часто, но встречается со значением „тогда, в то время“: **И ту абие отъкрыши единъ отъ златыхъ онѣхъ ларевъ**. ИзбСв 1076 г., 111; **нѣ ту абие вѣниде въ сѣрдце его сотона**. БорГл, 19, XII в.; **солнце бо зашло ту же и видѣ сонъ**. Леств., 91, XV в.; **Прокля господь диавола и дуну въ лице ему, и ту разступися гора каменная и диаволь пропаде всквозь землю**. ХожКор, 44, XVII в.

После 17 века наречие **ту** встречается только в цитатах из древнерусских произведений. Словари 19 в. приводят **ту** с пометами „слав.“ [34, VI, 803], „церк.“ [35, IV, 637; 11, IV, 445], что свидетельствует не столько о происхождении этой формы, сколько о том, что в русском литературном языке 19 в. она воспринималась как архаизм.

Наряду с формой **ту** в памятниках древнерусского языка со временем появляются наречные формы **туто** и **тутъ**. На первый взгляд форма **тутъ** представляется возникшей из **туто** вследствие редукции конечного безударного **о**. Но здесь, безусловно, параллельные образования: к наречной форме **ту** присоединяются местоименные формы **то** и **тъ**. Способ редупликации и иного усложнения местоименных форм и образований был свойствен в древности многим языкам, и не только индоевропейским (46, 67; 31, 449; 22, 109–111).

Формы **туто** и **тутъ** очень древние, так как почти все славянские языки имеют сходные образования, когда к форме **ту** присоединяются различные местоименные основы (болг. **тува, тука, тутакси**; серб.-хорв. **tute, tuteka, tune, tuj, tujke**; польск. **tutaj, tutaj, tuż, tudzież**; укр. **тутка, тутки**; белорус. **туто, тутай, тутока**). То, что конечный формант **-то, -тъ, -taj** и др. представляяют собой различные формы местоименных основ, подтверждает сохранение в некоторых чешских говорах способности второй части изменяться по падежам: **tuto, tutoho, tutomu** и т. д. (16, 52; 15, 75). Дополнительная местоименная основа должна была конкретизировать значение наречия **ту**, но в русском языке формы **туто** и **тутъ** сохраняли все значения наречия **ту** и даже приобрели еще одно — „сюда“.

Несмотря на то, что форма **туто** отмечена нами с 14 в., а форма **туть** — с 15 в., вряд ли можно утверждать, что они возникли так поздно. Формы эти были живыми и встречены, как правило, в памятниках деловой письменности. Употребление формы **туто** с локативными значениями наблюдается в письменных памятниках до 17 в., а с лятивными и с временным — до 16 в. То или иное значение формы **туто** обуславливается теми же синтаксическими связями, что и у формы **ту**.

Примеры употребления: а) с локативным значением „там“: **А что слобода против Боровска, та ны слобода свести, туто нам слободы не держати.** Док. 1390 г. (ДДГ, 38); **гдѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати.** Док. 1488 г. (АрхСтр, 71); **и оттоль поидоша подѣ Кромы и туто съдоша въ Кромахъ многие литовские люди.** ГрОтр, 14, XVII в.; б) с локативным значением „здесь“: **Ивашко Ондроновъ... нынеча, господине, живет туто ж...** Док. 1495 г. (АСЭИ, I, 474); **вы поседите туто, а мы шодши то скажемъ государю своему.** Док. 1503 г. (ДипПЛ, 405); **а напередъ сего туто мость не бывалъ.** Док. 1602 г. (ДТПр, 511); в) с лятивным значением „туда“: **И велможам съѣхавшимся многимъ тои же половчинъ туто же приѣде.** ЧудНик, 50, XVI в.; **Туто же приехавше послы велики отъ Свѣискаго короля и доконцаша миръ.** Новг. I лет., 339, XV в.; **туто же, государь, подошла твоя государева... волость.** Док. 1585 г. (ДТПр, 151).

Наличие двух локативных значений у одной формы сделало возможным употребление наречия **туто** не только со значением „туда“, но и со значением „сюда“: **А которые, государь, дѣти боярские сидѣли въ Троцѣхъ да въ Ковнѣ, и те туто ж приведены.** Док. 1526 г. (ДипПЛ, 753); **и вамъ ко мнѣ приѣхати на рубежъ туто ж или бы мнѣ съ вами ссылка учинити.** Док. 1579 г. (АРев, 208).

Свременным значением **туто** встречается довольно редко: **И они ему о нятцахъ туто и молвили, что тѣхъ нятцевъ князь велики отпустилъ.** Док. 1494 г. (ДипПЛ, 148); **Туто шуруверано въспели жалостные песни у Коломны города на Забралахъ.** Задонщина, XV в. (ВоинП, 38); **Да туто же было мне ему бити челом.** ПослИВ, 176, XVI в.

После 17 в. форма **туто** перестает встречаться в письменных памятниках и в литературном языке, хотя в живом языке она продолжает употребляться очень широко, о чем свидетельствуют современные диалектные данные.

Наречие **туть**, проникшее в письменные памятники с 15 в., выступало с теми же пятью значениями, что и форма **туто**. Отмечено оно главным образом в деловых документах, что свидетельствует о жизнненности этой формы: а) с локативным значением „там“: **А осада городская гдѣ хто живетъ тутъ тотъ и сядетъ.** Док. 1434 г. (ДДГ, 88); **иду въ Городокъ, а тутъ перебивъ**

иду въ Суждаль. Ипат. лет., 443, 1425 г.; а гдѣ уже – тутъ разширить рану, а гдѣ будетъ широко – тутъ поузить. Травн., 206, 1631 г.; лень и пеньку, за моря не возя, делать тут, где что родилось. Посошк., 149, 1724 г. Употребительность наречия **тутъ** в данном значении возрастает ко второй половине 17 в., продолжает быть широкой в первой половине 18 в. и резко сокращается уже во второй половине 18 в. В подавляющем большинстве примеров такое употребление встречается в конструкции „где...тут“. Это говорит о наступившей связанности и неуниверсальности употребления наречия **тут** с локативным значением „там“.

б) с локативным значением „здесь“: **А великие княгини и княжны и дѣти и бояре тутъ же были.** Док. 1495 г. (ДипПЛ, 163); **Сей двор постоялый, тут нам ночевать.** Пов. о купце, XVII в. (РусП, 130); **всяк Фетидина воин сына мужественно тут штурмует.** Тредьяк., 130, 1734 г.; **а ни отца ни матери, ни роду ни племени, весь тут, как видишь.** Аблесимов, 397, 1782 г.; **Тут был, однако, цвет столиць, и знать и моды образцы.** Пушкин, Евг; Он. Тут со значением „здесь“ уже с 17 в. проникает в литературный язык и затем его употребление все больше увеличивается.

в) с лятивным значением „туда“: **И Максимьянъ, сказывають, отвѣчалъ: гдѣ хочешь, тутъ пришли мою дочь.** Док. 1492 г. (ДипДИ, 104); **и положить тутъ дрожжи, и дать киснуть чрез двѣ недѣли.** Травн., 217, 1696 г.; **а горело, де, въ то время на Конюшенномъ Дворѣ, и тутъ, де, никого не пускали.** Док. 1721 г. (ДокАП).

г) с лятивным значением „сюда“: **Да приехалъ тутъ къ Менску смоленской мытщикъ Шамака.** Док. 1489 г. (ДипПЛ, 31); **по неколице времени... тутъ нарочно приѣхалъ, изчючи свое добро отъ того силника взяти назадъ.** Док. 1651 г. (АРев, 312); **явьясь тутъ, по первому повелѣнню капитанъ-исправникъ отрядить на всякое судно... вожатыхъ лоцмановъ.** Письмо, 1786 г. (ПисСП, 280). Оба лятивных значения у формы **тутъ** отмечены в употреблении гораздо реже, чем локативные, и после 18 в. в языке письменности не встречаются вовсе.

д) с временным значением „в то время“: **И какъ из двери выидеть и тутъ его на мосту осыпати денгами.** Венч., 37, XV в.; **По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглися.** ЖитАввак, 55, 1676 г.; **тут ветер, страшно завывая, ударил в лес...** Держ., 15, 1781 г. В 19 в. наречие **тут** с временным значением употреблялось уже довольно широко как в литературных произведениях, так и в разговорном языке.

Академические словари 19 в. приводят наречие **тут** со значениями „здесь“ и „там“ [33, VI, 316; 34, VI, 815; 35, IV, 642], но уже В. Даль дает только одно значение – „здесь“ [11, IV, 445]. В настоящее время наречие **тут** счита-

ется разговорным и выступает с двумя значениями — „здесь“ и „в это время“ [36, XV, 1164].

Формами **туто** и **тут** не ограничивается количество вариантов этого наречия, существовавших и существующих в русском языке. Многочисленные его варианты издревле были в русском языке, но не попадали в сферу письменного языка, который все же придерживался каких-то норм. Нормой когда-то была форма **ту**, позже — **туть**. Из других вариантов больше повезло форме **туто**, с 14 по 17 век встречающейся в письменных памятниках. Кроме того, буквально в единичных случаях нами отмечены формы **тутоть**, **тутось** и **тутова**: и **иныхъ людии товаръ былъ тутоть и то поималъ еси княжо...** Док. 1301 г. (РЛА, 26); **не отдаи ее неволю ни за кого же, но кде будеть княгине моеи любо, тутоть ю дати.** Ипат. лет., 904, 1425 г.; **ино выносивъ иконы, да сожгутъ стѣны, а милость господа бога всдержителя, его же храмъ, тутось останеть...** КанПр, 775, XV в.; **а сила псковская вся тутова же по инымъ селомъ и съ посадники.** Псков. лет., 213, XVI в.; **имъ тутова стати на тѣхъ мѣстехъ самъ князь повелѣлъ.** Псков. лет., 213, XVI в.

В современных говорах русского языка и сейчас широко употребительны формы **тут**, **туто**, **туда** (почти во всех исконно русских областях), **тутко**, **тутка**, **тутки** (Брянск., Калужск., Мурман., Карелия, Коми), **тутока**, **тудака**, **тутако** (северн. и сев.-зап. области, Урал, Сибирь), **тутокова** (Арханг.), **туточу** (Новгород.), **туточа**, **туточе**, **туточки** (Брянск.), **тутча** (Тульск.), **туточка**, **тутачка**, **туточки** (Арханг., Псков., Новгород., Ленинград., Калуж., Орлов., Горьков., Пензен., Калинин., Брянск.), **тутоцка**, **тутоцки** (Псков., Калинин.) и мн. др.⁵ Все эти формы в настоящее время выступают, как правило, с локативным значением „здесь“, и лишь кое-где форма **тут** встречается с первичным локативным значением „там“, но это обычно в старых пословицах (*где любовь, тут и бог; где радость, тут и горе* и т.п.), что свидетельствует о пережиточности такого употребления. В олонецком говоре зафиксировано наречие **тут** с лятивным значением „скуда“. Большая распространенность употребления в русских говорах наречных форм, образованных от наречия **ту**, говорит об их древности, а также огромной жизнестойкости. Утрата же литературным языком даже проникших было

---

⁵ Весь диалектный материал здесь и дальше приводится по картотекам: Словаря русских народных говоров (Институт языкознания АН СССР, г. Ленинград), Псковского областного словаря (Словарный кабинет им Б. А. Ларина, ЛГУ), Словаря русских говоров Карелии и Мурманской области (там же), Словаря русских говоров по нижнему течению реки Печоры (там же), Брянского областного словаря (диалектологический кабинет Ленинградского пединститута им. Герцена).

в него форм **тут** и **туто** связана с утверждением в нем других наречных форм с такими же значениями.

Многозначность наречий, образовавшихся от падежных форм изменяемых местоименных основ, затрудняла точное выражение определенных пространственных отношений только одной какой-либо формой. Гораздо удобнее был другой способ образования наречий с пространственным значением, возникший еще в дообщинноевропейский период, — сложение основ. В большинстве современных языков мира почти все местоименные наречия образованы путем сложения местоименных форм [22, 118]. Общеславянский язык унаследовал от общинноевропейского этот способ образования наречий. Некоторые общинноевропейские наречия, фонетически трансформировавшись, даже вошли в общеславянский язык. Но в основном славянские местоименные наречия пространственного значения образовывались путем сложения основ уже на общеславянской почве. Прибавление к одной местоименной форме другой местоименной формы в определенном падеже давало возможность выразить пространственное значение более точно. Так возникли многочисленные сложные формы типа **куду**, **кудѣ**, **куды**, **куда**, **къде**, **камо**, **како** и им подобные.

Наречия эти давно уже привлекали к себе внимание исследователей русского, да и других славянских языков. Вследствие древности образований с самого начала возникали трудности в выделении составных компонентов этих наречий. Первоначально грамматисты, рассматривающие местоименные наречия, ограничивались общими указаниями, не устанавливали составных элементов. Но уже с первой половины прошлого столетия делаются попытки классифицировать местоименные наречия, правда, пока еще без четкого определения образующих компонентов. Так, И. Добровский выделяет несколько групп местоименных наречий с пространственным значением, образованных „помощью“ **-мо**, **-де** или **-дѣ**, **-уду**, **-удѣ**, никак не квалифицируя эти элементы [12, 493—494]. Позже аналогичную классификацию мы встречаем у И. Давыдова [10, 23], В. Вондрака [58, 311], Ф. И. Буслаев первым указывает группу наречий, образованных с помощью суффикса **-м-** (**тамо**, **тамъ**, **сямъ**, **оамо**), но другие местоименные наречия с некоторой непоследовательностью считает образованными при помощи частицы **-лѣ** и даже звука **д**, который слагается с местоименными корнями в различных косвенных падежах: **ку-д-а**, **сю-д-а**, **ту-д-а** и т.п. [4, 156—157]. Незнученность вопроса приводила порой к курьезным объяснениям. Я. Толмачев, например, наречия типа **куда**, **туда** и т.п. принимал за образования от местоименных корней при помощи косвенных падежей от существительного **удъ**: **к-уда**, **т-уда**... [39, 68].

Впоследствии у некоторых лингвистов встречается определение конечных компонентов как суффиксов, но выделение их было различным. Так, В. В. Богданов выделял в этих наречиях суффиксы -да (-дѣ), -лѣ (-ли), -мѣ (-мо) [3, 253], а А. Лескин — суффиксы -уду, -удѣ, -де, -лѣ, -ли, -лѣ, -амо [20, §§ 122—127]. Такая неопределенность в делении компонентов заставляла некоторых языковедов (А. Дорич, А. Вайан) просто указывать: наречия на -уду, -удѣ, -де, -ли (-лѣ), -амо [47, 83—105; 5, 242].

Некоторые позднейшие исследователи уже не пытались раскрывать происхождение составных частей таких наречий; а классифицировали их либо по местоименным корневым элементам — к-, т-, с-, въс- и др. [40], либо по согласному, входящему во второй компонент, — д-, л-, м-, к- [32, 258—285]. Н. С. Рыжков в своих попытках объяснить происхождение компонентов местоименных наречий целиком опирается на мысли Г. А. Ильинского [30, 370—374].

Еще в начале 20 века Г. А. Ильинский, обобщив разрозненные высказывания многих лингвистов, пришел к выводу, что в данных наречиях мы должны видеть сложение местоименных основ, что и первым и вторым компонентами являются древние формы местоимений, причем во вторых компонентах мы сталкиваемся с такими местоимениями, которые сохранили свои формы только в составе наречных образований [16, 38—40]. Утверждения Г. А. Ильинского нам представляются достаточно убедительными. Действительно, в первых компонентах мы еще довольно легко видим древние вопросительное (*къ), указательные (*ѣ, *тъ, *сь, *опѣ, *овѣ, *ипѣ) и определительное (*въсь) местоимения. В роли вторых компонентов выступают также вероятные местоимения *дѣ, *лѣ, *мѣ в различных падежных формах. Относительно падежных форм всех этих компонентов высказаны разные соображения, но о них удобнее вести речь, рассматривая отдельно каждый тип местоименных наречий пространственного значения.

Наречия на **-du**, **-dě**, **-dy**, **-da**

При рассмотрении наречий этого типа прежде всего возникает проблема выделения компонентов, установление их происхождения.

Славянские языки свидетельствуют, что в первом компоненте был носовой гласный, такой, как в старославянских формах (кѣ-ду, кѣ-дѣ, сѣ-ду, сѣ-дѣ и т.п.). Возникновение носового трактовалось по-разному.

В. Махек, сравнивая славянские формы с греческим наречием $\rho\acute{o}\theta\epsilon\nu$, домысливает, что в славянских и латинских наречиях перед суффиксом ***dhe** появилось вставное **n**, перешедшее с конца суффикса (***kuo-dhen** > ***kuondhe**,

которое в латинском языке давало **-cunde** в *secunde*,] *alicunde*, а в общеславянском — ***kqđē**) [53, 245].

Уже давно была отмечена близость древнепрусских наречий *isquendau* „откуда“, *isstwendau* „оттуда“, латинск. *unde* „откуда“, *quando* „когда“ со славянскими наречиями ***kqdu**, ***sqđē** и т.п. На близость эту указывали Ф. Бопп, Ф. Миклошич, Р. Траутман, Э. Бернекер, А. Брюкнер, А. Мейе и др. Но структура указанных наречий определялась по-разному. Так, А. Г. Преображенский [29, I, 404] и М. Фасмер [57, I, 680] вслед за В. Вондраком, А. Вальде, Р. Траутманом и Э. Бернекером делили форму *quando* на *quan-* (восходит к винит. распространения ***quam**) и *-do*. Из такого деления вытекает, что носовые гласные в славянских ***kq-**, ***sq-** и т.п. должны были образоваться в определенных падежных формах первых компонентов. К такому же выводу приходит и Г. А. Ильинский. Он даже точно называет форму: **kḗ-**, **tḗ-**, **sḗ-**, **syḗ-** и т.п. — формы винит. пад. единств. числа от местоимений **къ**, **тъ**, **съ**, **сь** и др. [16, 127–130].

Такой взгляд на определение первого компонента представляется нам наиболее достоверным⁶. Однако есть и другие точки зрения. Я. Ян, опираясь на те же, приведенные выше древнепрусские и латинские наречия, высказывает предположение, что в индоевропейском языке было два наречных суффикса — ***-ond-** и ***-end-**. Со временем мягкая параллель уподобилась твердой, поэтому позднее, в славянских языках, находим только суффикс ***-qđ-**: *k-qđ-u*, *k-qđ-ě*, *k-qđ-y*, *k-qđ-a* и т.п. [50, 14–15]. Но этому противоречит еще одно древнепрусское наречие *pansdau* „потом, затем“, в котором нет суффикса, близкого к **-ond-**, зато очень заметен конечный формант **-dau**.

И уж совсем странным выглядит объяснение, данное в „Кратком этимологическом словаре русского языка“ Н. М. Шанского и др., где в наречий ***куда** (***kqda**) выделяется суффикс ***-nda**, причем ссылаются авторы также на латинское наречие *quando* [41, 172].

Последние две точки зрения на структуру наречий рассматриваемого типа затрагивают проблему не только первого компонента, но и второго. Ведь если **-d-** относится к суффиксу ***-qđ-**, то тогда, что такое конечные **-u**, **-ě**, **-y**, **-a**. Если же **-n-** относится к суффиксу ***-nda**, то тогда, кроме него, мы должны выделить и суффиксы ***-ndu**, ***-ndē**, ***-ndy**. Значит, суффикс надо возводить к чему-то изменяемому. Но к чему?

⁶ Уже в древнерусских памятниках XI в. встречаются написания **кѣду** и **куду**, **тѣдѣ** и **тудѣ**, **сѣду** и **сюду** и т.д. Это свидетельствует о том, что носовые гласные уже не произносились. Поэтому в дальнейшем мы не будем в древнерусских наречиях обозначать носовые гласные.

Г. А. Ильинский, обобщая взгляды Миклошича, Ягича, Даничица, Будмана, Малова, Гроссмана и других, приходит к выводу, что в образовании наречий данного типа в качестве второго компонента принимала участие древняя местоименная основа *дъ, восходящая к *dho или *do [16, 38]. Местоимение *дъ некогда склонялось по именному склонению, но склонение его распалось еще в общеиндоевропейскую эпоху. Остатки падежных форм местоимения *дъ мы находим в наречных формах разных языков: латинск. *unde, inde* „оттуда“, *quando*; прусск. *isquendau, isstwendau, pansdau*; литовск. *kada* „когда“, *tada* „тогда“, *andai* „недавно“; курдск. *khuda* „куда“; осетинск. *кэдэм* „куда“; немецк. *da* „там, здесь“, *dahin* „туда“; а также в греческих энклитиках -*δε, -δω, -δον*.

В славянских языках к остаткам падежных форм местоимения *дъ следует отнести предлог-приставку *до*, утвердительную частицу *да* [22, 133] и вторые компоненты в наречиях типа *куду, кудѣ, куды, куда, кѣде*.

Морфологическая квалификация этих вторых компонентов весьма затруднительна, так как распад склонения местоимения *дъ произошел очень давно, и уже в общеславянском языке его падежные формы были „окаменелостями“. Но тем не менее многими языковедами делались попытки вскрыть форму местоимения *дъ в составе того или иного наречия. А. Л. Погодин возводил предлог-приставку *до* к винит. пад. единств. числа местоимения *дъ — *dom [26, 210–214]. Вторые компоненты указанных выше наречий также приравнивались к различным падежным формам. Например, в форманте *-ду* видели окончание дат. или местн. падежа ед. числа (Г. А. Ильинский, Г. Гирт), в формантах *-дѣ* и *-де* — окончания местн. пад. ед. числа (К. Бругманн, Г. А. Ильинский), в форманте *-ды* — окончание винит. или творит. пад. множ. числа (А. А. Потебня, Г. А. Ильинский), в форманте *-да* — окончание отложительного падежа ед. числа (К. Бругманн, Й. Зубатый, Г. А. Ильинский) [17, 446–447; 16, 38–41, 78–79].

Несомненно, что для начала письменного периода ни формальные, ни семантические признаки этих компонентов не позволяют точно возводить их к определенным падежным формам. Но вполне вероятно, что наречия на *-ду, -дѣ, -ды, -да*, содержащие одну и ту же местоименную основу в первой части (например, *куду, кудѣ, куды, куда*), имели каждое свой оттенок пространственного значения, зависящий от падежного значения местоимения *дъ.

Вторая проблема, которая встает при рассмотрении наречий на *-ду, -дѣ, -ды, -да* — это установление первоначальных значений данных наречий и их эволюции с древнейших времен до наших дней.

Наречия эти в памятниках древнерусского языка употреблялись с несколькими значениями: 1) **просекутивным** — указывающим, что действие проходит некоторым местом; здесь объединяются путь, по которому проходит действие, и цель, к которой оно направлено (вопрос — каким путем?); 2) **лятивным** — действие направлено к определенному месту (вопрос — куда?); 3) **локативным** — действие происходит в определенном месте (вопрос — где?); 4) **дисперзивным** или **дистрибутивным** — действие распределяется по площади или пространству.

Многие лингвисты, исходя из предположения, что наречия **куду**, **кудѣ**, **куды**, **куда** в древности имели одно значение, высказывают различные мнения о первичности их значения.

Ф. Миклошич [55, 212], а позже и А. Вайан [5, 242] считали наиболее ранним у этих наречий просекутивное значение. Опирались они на материал старославянского языка, в котором наречия данного типа употреблялись чаще с просекутивным значением, нежели с лятивным или локативным. Но частота употребления в старославянском языке вовсе не свидетельствует о первичности значения, так как все могло зависеть от того, как происходило становление других типов местоименных наречий с пространственным значением, которые, возможно, брали на себя выражение лятивности и локативности, оставляя наречиям **кѣду**, **кѣдѣ** и им подобным выражение просекутивности.

В. Вондрак [58, 605], А. Лескин [19, 98], А. Дорич [47, 91–93], А. Мейе [24, 377] исходным значением старославянских наречий **кѣду**, **кѣдѣ** и т.п. считали **аблятивное** значение, обозначающее движение откуда-то (вопрос — откуда?). Г. Карстен аналогичному решению этого вопроса посвятил целую работу [52].

С опровержением такого взгляда выступает Я. Ян. Изучая старославянские и иные славянские формы упомянутых наречий, Я. Ян приходит к выводу, что аблятивность не могла быть у них первичной. Его доводы такие: а) подкрепление аблятивного значения у наречий типа ***kǫdu**, ***kǫdĕ** при помощи предлога **отъ** (**отъкѣду**, **отъкѣдѣ**) было бы не нужно, если бы они и без предлога выражали аблятивность; б) между аблятивным и лятивным значениями такое резкое различие, что оно препятствует их объединению [50, 16]. Второе возражение Я. Яна имеет тот недостаток, что оно не допускает возможности существования аблятивного значения у беспредложных наречий этого типа, тогда как в старославянском языке оно встречается. Это видно из наблюдений самого Я. Яна, который среди отмеченного им 51 беспредложного наречия на **-ду**, **-дѣ** приводит 37 с дисперзивным значением, 7 — с просекутивным, 3 — с локативным и 4 — с аблятивным. Такая статис-

тика заставила Я. Яна говорить о первичности дисперзивного значения, из которого можно вывести все остальные значения наречий данного типа [50, 17–18].

Дисперзивное значение действительно близко к локативному и лятивному, но оно в такой же мере близко и к аблятивному, так как любое из этих трех значений может уложиться на площади или пространстве, охватываемом дисперзивным значением.

Я. Ян считает, что дисперзивное значение в наречиях на -ду, -дѣ перешло в просекутивное и локативное, а последнее в свою очередь при словах, обозначающих движение, приняло функцию лятивного [50, 11, 19]. Интересно отметить, что В. Вондрак, отказавшись от мнения в пользу первичности аблятивного значения, несколько позже высказался за первичность лятивного значения [59, 335], то есть как раз того, которое у Я. Яна явилось конечным результатом развития пространственных значений у наречий данного типа.

Таким образом, разные языковеды, опираясь на одни и те же факты из старославянского языка, считают первичным одно из четырех пространственных значений, свойственных наречиям на -ду, -дѣ. Такая разноречивость во взглядах — по-видимому, результат ошибочной предвзятости основной посылки, будто образования на -ду, -дѣ, -ды, -да в период их возникновения имели какое-то одно пространственное значение.

Попытку соотнести разные формы с разными значениями в свое время сделал И. Добровский. Он отмечал, что старославянские наречные формы на -ждѣ означали движение через место, то есть просекутивность, а формы на -жду — движение от места, то есть аблятивность [12, 495]. Но такое утверждение было неверным, потому что в старославянском языке в данном случае уже не было четкой соотнесенности между формой и значением, а одна и та же форма могла выражать различные пространственные значения [51, 50]. Поэтому позднейшие исследователи уже не соотносили форм и значений в этих наречиях.

На наш взгляд, при возникновении сложных образований *kq-du, *kq-dě, *sq-dy, *tq-da и т. п. общее значение в каждом из них складывалось из значений компонентов, которые дополняли и уточняли друг друга. При этом решающую роль играли как лексические значения компонентов, так и их форма. Можно допустить, что в первой части данных сложных образований формы местоимений *къ, *тъ, *сь, *сь и др. указывали на точку приложения действия (вопросительное местоимение къ указывало на гипотетическую точку, указательные — на вполне определенную), а во второй части формы местоимения *дѣ указывали на разные направления действия. В таком слу-

чае форма типа ***kqdu** с дат. или мест. пад. во второй части могла иметь **лятивное** значение, то есть указывала, что действие направлено к точке, определяемой местоименной основой первого компонента. Форма типа ***kqdě** с местн. пад. во второй части могла иметь и **лятивное** и **локативное** значение, поскольку в древности местный падеж мог обозначать не только место, но и направление [28, 16–17]. Обозначение направления действия к точке или сосредоточение действия в точке в данном случае зависело от глагола. При глаголах движения форма ***kqdě** обозначала направление действия, а при других глаголах – место действия. Форма типа ***kqdy** с творит. пад. во второй части могла иметь **просекутивное** значение, то есть указывала, что действие проходит некоторым местом. Вопрос творит. падежа (чем?) подсказывает нам, что действие идет каким-то путем. Форма типа ***kqda** с отложительным падежом (*ablativus*) во второй части могла иметь **аблятивное** значение, то есть указывала, что действие направлено от точки, которую обозначала местоименная основа в первом компоненте.

Но еще в далекие дописьменные времена, после утраты местоимением ***dъ** своего склонения, разные формы этого местоимения в составе наречных образований перестают осознаваться как падежные, затемняются, значения наречий в силу их близости смешиваются. Поэтому к началу письменного периода в памятниках старославянского и древнерусского языков каждая из этих наречных форм могла выступать с любым из присущих всем им значений.

После смешения форм и значений неизменяемые и общие части наречий (-уду, -удѣ, -уды, -уда) превратились как бы в словообразовательные элементы, в суффиксы. В таком качестве они могли участвовать в образовании наречий и не от местоименных основ (**вънѣруду**, **вънѣуду**, **обоуду**).

Кроме того, после затемнения форм и смешения значений, часть которых перешла к наречиям иных образований, происходит некоторая избирательность в употреблении наречий на **-*du**, **-*dě**, **-*dy**, **-*da**. В разных славянских языках перестают употребляться все варианты указанных форм, а удерживаются лишь некоторые. Круг значений этих форм также сужается. Результат такой избирательности заметен уже в старославянском языке, в котором употреблялись только наречия на **-ду**, **-дѣ**, хотя сохранялись еще все пространственные значения. В дальнейшем форм на **-*du** не удержал почти ни один из славянских языков. К настоящему времени болгарский язык сохранил лишь несколько наречий [на **-де**, имеющих лятивное и локативное значения] (**къде** „куда? где“, **дето** „куда, где“, **тъде** „туда, там“); сербско-хорватский – на **-да** с несколькими оттенками пространственного значения (**куда** „куда“, **туда** „здесь, туда, этим путем“); чешский – на **-dy** с просе-

кутивным значением (**kudy** „каким путем“, **tudy** „этим путем“); словацкий — на **-de** с просекутивным и лятивным значениями (**kade** „каким путем, куда“, **tade** „этим путем, туда“); польский — на **-dy** в основном с просекутивным значением (**kędy** „каким путем“ устар. „где, куда“, **teǔdy** „этим путем“); русский — на **-да** с лятивным значением (**куда, туда, сюда**); кроме того, в русских говорах с тем же значением широко употребляются формы на **-ды(куды, туды, сюды)**; украинский и белорусский языки сохранили лишь формы на **-ды** (укр. **куди, туди, сюди**; белорус. **куды, туды, сюды**). Таковы в общих чертах конечные результаты развития наречий данного типа в славянских языках. Наша задача — проследить более подробно эволюцию типа наречий на **-ду, -дѣ, -ды, -да** в русском языке за весь письменный период.

Группа наречий с первым компонентом ку- < *кѹ-

Наречия этой группы представлены в письменных памятниках формами **куду, кудѣ, куды, куда**.

Форма **куду** встречается только с просекутивным значением. Небольшое число примеров употребления наречия **куду** исключительно в евангельских текстах, либо близких к ним свидетельствует о пережиточности этой формы для древнерусского языка: **и не обрѣтъше куду вънести и народу ради възлѣзъше на храмъ сквозѣ покровъ**. Остр. ев., 90 об., XI в.; **како еси възлѣзлъ въ хлѣвину заключену куду ли чть тако скоро възвратися**. Излат, 68 г, XII в.; **и несть куду влѣсти къ нимъ ни излѣсти отъ нихъ** ... МефПат, 273, XV в.

Форма **кудѣ** выступала с двумя пространственными значениями:

а) просекутивным „каким путем“: **и тъмница не подѣкопана ни двѣри изломлены, не вѣмы кудѣ е излезълъ**. Излат, 73 а, XII в.; **оттуду же придоша ниже Кучелемина мысляще кудѣ преити реку Днестръ**. Ипат. лет., 735, 1425 г.; **А променилъ есми... Тферские земли... со всеми угоды, кудѣ ис тѣхъ волостей... плуг и соха и топор и коса ходила**. Док. 1497 г. (ДДГ, 342); **Георгию досталося пожня берегъ весь по старымъ межамъ, куде истарь косили**. Док. 1655 г. (АкАрх, 245).

б) лятивным „в какое место, в какую сторону“: **и рече къ неи архистратигъ, кудѣ хочещи благодатная да изидемъ...** ХожБог, 24, XII в.; **Мы же недоумехомся, куде во вселеную изити...** Алекс., 43, XV в.; **и Губѣ еи молвити, чтобы послала въ Угорскую землю, или инудѣ кудѣ пригоже, отвѣдати, у которыхъ государей дочери есть**. Док. 1503 г. (ДипПЛ, 443); **книгу рукописную... пропилил или заложилъ и не вѣдомо кудѣ дѣвалъ**. Док. 1696г.

(АкУст, 1302). Употребление наречия **кудѣ** с обоими значениями в письменных памятниках различного жанра, начиная от сугубо книжного и кончая деловыми документами, свидетельствует о том, что форма эта была свойственна живому русскому языку до конца 17 в., но позже почти полностью ушла из употребления. В современных говорах очень нешироко встречаются с лятивным значением наречия **куде** (Урал) и **кудь** (Ярослав. обл.).

Форма **куды**, очень употребительная в древнерусском языке, отмечена с двумя значениями — просекутивным и лятивным. Судя по употребительности, форма **куды** была гораздо более свойственна живому древнерусскому языку, чем **куду** и даже **кудѣ**. Но поскольку письменные памятники, отражающие в какой-то степени живой язык, дошли до нас только с 13 в., то и форма **куды** отмечается нами лишь начиная с 13 века:

а) с просекутивным значением: **А мы вашему гостю такоже здѣсе даль путь, куды и переже сего не бывало...** Док. 1410—1411 гг. (ГрНП, 88); и **подоша не темъ путемъ, куды фрязинъ шелъ...** МЛС, 296, XV в.; **болезнь в печени объявляется, въ томъ пути, куды вода проходитъ къ мехирию...** Травн, 182, 1672 г.; на **Чусовую рѣку дорогу провъдывать, куды бы ему ити...** Сибир. лет., 53, XVIII в.

б) с лятивным значением: **И ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеса куды кто видя.** Новг. I лет., 65, XIII в.; **всѣмъ тѣмъ людемъ даль есмь волю, куды имъ любо.** Док. 1350 г. (ДДГ, 14); **я у нево все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь.** Жит Аввак, 65, 1676 г.; **отсылать ихъ кои куды надлежат не мотчав...** Посошк., 107, XVIII в.; **Софьюшкины денежки было б куды класть.** Фонв., 90, 1766 г.

Форма **куда** встречена в основном с двумя значениями — просекутивным и лятивным; два примера с наречием **куда** в локативном значении — явные рецидивы очень древнего употребления:

а) с просекутивным значением: **А куда пошло судии твоему ѣздити по волости, ѣхати имъ межень по Петровѣ дни.** Док. 1264 г. (ГрНП, 10); **А отводъ той земли по старине, куда ходилъ изъ тѣхъ деревень топоръ и соха и коса.** Док. 1525 г. (АФЗХ, II, 91); **Андрюша припомнилъ: въ то, де, время рогожами завешено отъ входа, куда входятъ въ казенную палату.** Док. 1694 г. (АкУст, 1092).

б) с локативным значением: **А свинье бити ти, княже, за 60 вѣрствъ около града, а дале куда кому угодно.** Док. 1304 г. (ГрНП, 17); **Куда же древле погании жьряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви... стоять...** Новг. I лет., 103, XV в.

в) с лятивным значением: **А ти идуць ись Торъжку, куда имъ годно.** Док. 1307 г. (38, I, 1356); **и нача думати съ братомъ... куда бы имъ поити.** Ипат. лет., 357, 1425 г.; **и куда ему случится ѣхать, то бы у сотенныхъ... брали за ихъ печатями отпускные письма...** Посошк., 155, 1724 г.; **и про- силъ его дабы приказалъ доставлять от себя во флот оное, куда сколько потребно.** Письмо, 1792 г. (ПисКЗ, 331). После 18 века наречие куда с лятивным значением в русском литературном языке встречается как норма.

Итак, наречия данной группы употреблялись в основном с двумя значениями – просекутивным и лятивным. В письменных памятниках 11–14 вв. употребление даже живых для древнерусского языка форм **кудѣ, куды и куда** было нешироким. Объясняется это, по-видимому, двумя причинами: 1) в древнерусском языке с аналогичным лятивным значением могли употребляться еще наречия **камо, ямо, кѣде, идеже**; 2) наречия с местоименной основой ***къ** в первом компоненте были прежде всего вопросительными, а вопросительные конструкции в древнерусских письменных памятниках встречаются сравнительно редко. Правда, даже самые ранние примеры употребления наречий данной группы свидетельствуют о том, что они уже воспринимали на себя функцию относительных. Но в древности для роли относительных слов образовывались наречия от местоименной основы ***жь**. В данном случае в книжном древнерусском языке в роли относительного слова наряду с наречиями **кудѣ, куды, куда** употреблялось наречие **юду (уду)**. Вытеснение относительных основ вопросительными началось еще в дописьменный период; результаты этого процесса наблюдаются в старославянском языке [50, 27], то же самое мы видим и в древнерусском языке. Но до 15 в. наречие **юду** еще употреблялось в роли относительного слова, что, естественно, сдерживало употребление в этой роли наречий с вопросительной основой. Как только русский язык утратил наречие **юду**, сразу происходит резкое увеличение употребительности форм **кудѣ, куды, куда**.

Взлет роста употребительности этих наречий в обоих значениях начинается с 15 и 16 вв., но дальнейшее их употребление с просекутивным и лятивным значениями развивается неодинаково.

Апогея употребительности с просекутивным значением наречия **кудѣ, куды и куда** достигают в 16 в., но вскоре такое употребление сокращается и к 18 в. совсем угасает. В русском литературном языке сейчас нет наречия, которое имело бы просекутивное значение; просекутивность в нем выражается описательно (каким путем, какой дорогой и т. п.). В некоторых говорах в настоящее время еще употребляются наречия, выражающие просекутивность, но это своеобразные вторичные образования. В данном случае изоляции нареч-

ных форм противопоставилось влияние флективных форм, которые уподобили себе наречные формы. Для выражения просекутивности наречие должно было приобрести как бы форму творит. падежа. Таким образом возникли формы **кудюю, сюдою, тудюю**, встречаемые сейчас в южных и западных говорах, а также **сюдой, тудой** — в Кировской и Новосибирской областях. Наречия эти выступают со значениями „каким путем“, „этим путем“, „тем путем“. Явление это древнее, поскольку аналогичное уподобление наречий творительному падежу с той же целью встречается в украинском (**кудюю, сюдою, тудюю**) и белорусском языках (**кудой, сюдой, тудой, сюдэю, тудэю**), а также в говорах болгарского, сербского и чешского языков (болг. **садем**, серб. **тудем**, чеш. **kadem, kadema, kadym**); но в язык древнерусских письменных памятников подобные формы не попали. Несколько по-другому образовались формы наречий с просекутивным значением, употребляемые в говорах Архангельской и Вологодской областей — **койду, койды, койда, сейды, тойды, тойда**. В них также проявилось уподобление форме творит. падежа, только уподобился первый компонент, а второй даже сохраняет древнюю вариантность.

Иначе развивается употребительность наречий **кудѣ, куды, куда** в лятивном значении. После 16 в. форма **кудѣ** очень быстро перестает употребляться и к 18 в. совсем утрачивается. Формы **куды** и **куда**, наоборот, после 15 в. все больше и больше расширяют свою употребительность с лятивным значением, и только с середины 18 в. в литературном языке на первый план выступает форма **куда**, а форма **куды** постепенно перестает осознаваться литературной нормой, переходит в просторечие и наконец остается лишь в диалектах. Отражают это явление и словари. Так, если в Российском лексиконе 1778 г. Ф. Гельтергофа форма **куды** приводится с лятивным значением без каких-либо помет [8, 333], то уже в Словаре Академии Российской 1789—94 гг. наречия на **-ды** сопровождаются пометой „просторечное“, а более поздними словарями вообще не отмечаются. Однако наречие **куды** продолжает жить в живом языке и в настоящее время широко распространено в русских говорах центральных, северных и южных областей России, а также на Урале и в Сибири, и везде оно сохраняет только лятивное значение. Наречие **куда** после 18 в. становится единственным наречием этой группы, употребляющимся в русском литературном языке для выражения лятивности („в каком направлении“). Академические словари 18 и 19 вв. как литературную норму приводят только наречие **куда** [33, III, 1053; 34, III, 469; 35, II, 487]. Это положение сохраняется до настоящего времени [36, V, 1795]. В русских говорах наречие **куда** употребляется повсеместно с лятивным значением.

Группа наречий с первым компонентом ю- (у-) < *jǫ

Наречия, образованные от основы местоимения *jь, выступали только в роли союзных слов. Закономерная форма юду (< ѣдуду) в памятниках древнерусского языка почти не встречается, вместо нее выступает форма уду. Это, по-видимому, потому, что ѣ еще в дописьменный период утратил качество носового и перешел в звук у, а в древнерусском языке звук у в начале слов не йотировался.

Наречие уду отмечено с тремя значениями: просекутивным, локативным и лятивным.

Употребление уду с просекутивным значением „каким путем“ было еще свойственно древнерусскому языку, но уже, вероятно, устаревало, так как, начиная с 12 в., встречается исключительно в книжном языке; поздние случаи употребления, а они относятся к 16 в., связаны с цитированием древних текстов: и поставиша ю посреде вратъ градскихъ, уду же хотяху вънити. Излат, 112 а, XII в.; и затворися унутрь, оставивъ двѣрце малыя едины, уду же пищу принимаше... ЕфрС, 131, 1288 г.; града же вышедше два ляха и съкрыстася легче надъ увозомъ на пути, уду же ему минути ихъ. МЛС, 29, XV в.; и повелъ Валакъ царь сотворити кровы предъ ними на пути, уду же хотяше мимо итъти ратници июдѣисти. СокрПал, 69, XVI в.

Слокативным значением „где“ наречие уду в древнерусском языке, видимо, уже не было употребительным, поскольку встречается только в евангельских текстах, причем лишь в одном контексте: зълы рабе и лъннвыи, въдыше, яко жню, идеже не съяхъ, и събираю, юду же не расточишь. Остр. ев., 85, XI в.; ведяху тя, яко жестокъ еси человекъ, жьнеши, уду же не съявъ, и събираеши, уду же не расточивъ. Милят. ев., 73, 1215 г.

Отмечен единственный случай употребления формы уды с локативным значением: жню, идеже не съявъ, и събираю, уды же не расточивъ. Арх. ев., 85, XI в.

Общая тенденция закрепления за наречиями данного типа лятивного значения проявилась и в употреблении наречия уду: все бо посылаеми дождаху тамо, уду же послани бываху. КазИст, 94, XVI в.; всѣ посылаеми не дождаху тамо, уду послани бываху... Каз. лет., 71, XVII в. Но такое употребление эпизодично, поскольку к 16 в. наречия на -ду почти уходят из русского языка.

Небольшая употребительность наречия уду в первые века письменности и постепенное прекращение употребления его к 15 в. связаны с утратой славянскими языками наречий пространственного значения от местоименной основы *jь. Вместо них все шире в роли союзных слов начинают

употребляться наречия от основы *къ (куды, куда и др.). Преимущество вопросительной основы в том, что она гораздо богаче функционально, поскольку могла обозначать прямой вопрос, косвенный вопрос и неопределенность, тогда как относительная основа *жь — только косвенный вопрос. Поэтому и происходит вытеснение производных от относительной основы производными от вопросительной. Явление это очень старое: уже в старославянском языке употребление наречий на -ду, -дѣ от вопросительной основы превышает употребление таких же наречий от относительной основы в 3 раза [50, 27].

Группа наречий с первым компонентом су- < *siq-, сю < *siq-

В нзречиях этой группы первый компонент выступал то как су-, то как сю- Когда-то А. Соболевским было высказано мнение, что формы суда и сюда — совершенно разного происхождения [37, 63]. Но семантическая, функциональная да и формальная близость противоречили этому. Поэтому И. Ягич уже не сомневался в тождестве форм суда и сюда, но он считал, что форма суда появилась вследствие отвердения с в закономерной форме сюда (от местоимения сь — „этот“). В старославянских памятниках наблюдается исключительно сѣ- на месте ожидаемого сѣ-ѣ. Это свидетельствует о том, что формы с сѣ- были уже в языке первых переводов и, по-видимому, только такие. Отвердение же с для старославянского языка — явление позднее, происшедшее в письменный период [16, 127—128], тогда как наречия на сѣ- возникли еще в дописьменный период. Кроме того, почти все славянские языки, в том числе и русский, знают наречия с су-. Но отвердение с совершенно неизвестно в русском языке, ни в древнем, ни в современном [37, 62—63]. Значит, фонетически параллелизм форм суда и сюда возникнуть не мог. Г. А. Ильинский, на наш взгляд более правильно, считает, что сѣ- и сѣ- восходят соответственно к винительному падежу указательных местоимений *sъ и *sь [16, 130]. Близкое к этому объяснение дают А. Лескин [19, 17, 32] и А. Дорич [47, 94]. В древнерусском языке в отличие от других славянских языков (кроме польского) утвердились формы с сю- в первом компоненте; формы с су- в письменных памятниках встречаются гораздо реже.

Наречия данной группы представлены в наших материалах формами сюду, сюдѣ, сюды, сюда.

Форма сюду употреблялась уже не свободно, а только в сочетаниях сюду и сюду, сюду и онуду, сюду и овуду. Характерно, что и на этот раз формы на -ду встречены лишь в книжном языке. Употребление формы сюду в разных сочетаниях не было частым, но все же она еще сохраняла свою

древнюю многозначность и отмечена нами с тремя пространственными значениями:

а) просекутивным „этим путем, этим местом“: **егда разболѣся Митяи, тогда корабь тои стояше на единомъ мѣстѣ ни поступая ни сѣмо ни овамо, а инии корабли миноваху его сюду и ововуду.** МЛС, 198, XV в.; **мѣсто же то бяше не нарочито и мало и скудно и по обѣ страны ему сюду и сюду едина рѣка надвое раздѣлися.** ПовЕфр, 72, XVI в.

б) локативным „в этом месте“: **и пропяша, и съ нимъ дѣва суду и оуду, посрѣдъ же Исуса... Остр. ев., 220 об., XI в.; огонь вжигаютъ во вратахъ и предъ торговищи своими сюду и сюду, и та сквозь огонь проходяще с женами своими.** Стогл., 221, XVI в.; **Князь же великии... повеле искати его сюду и сюду, по реке и в кладезях... Пов. о Тверском отроче монаст., XVII в. (РусП, 121).**

в) лятивным „в это место, в эту сторону“: **Озрѣвъся Мария сюду и сюду не видѣ никого же, но токмо гласъ слыша... ХожДан, 121 XII в.; Раскрили сюду и онуду прости къ богу, яко же нѣкогда Моиси... свои руцѣ простре... Сузд. лет., 458, XIV в.; затрещал лед предо мною и расступился через все озеро сюду и сюду и паки снидеса.** ЖитАввак, 90, 1676 г. Самый поздний случай употребления сюду с лятивным значением встречен в сочетании туду и сюду: **ходили туду и сюду страха ради.** ПалПис, 28, 1707 г.

Форма **сюдѣ** в древнерусском языке была уже малоупотребительна и зафиксирована нами только с лятивным значением: **у святаго Спаса внидоша по примету чересь городъ, а сюдѣ отъ северныя страны... Сузд. лет., 463, XIV в.; Аше бы им мощно, то едином бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы... волю свою сотворили.** Новая пов. о преславном Рос. царстве, XVII в. (РусП, 14).

Свидетелем былой многозначности формы **сюды** является один пример ее употребления с просекутивным значением: **то есть домъ царевъ, сюды внидетъ, а инуды изыдетъ.** СудСол, 270, XVI в. Во всех остальных случаях **сюды** имеет лятивное значение: **И внидоша по примету въ городъ чрезъ стѣну, а сюды отъ северныя страны отъ Лыбеди... МЛС, 128, XV в.; И нынче кто поѣдетъ сюды и тѣмъ людемъ поминокъ пришли однолично.** Док. 1502 г. (АГол, I, 80); **Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволокся.** ЖитАввак, 104, 1676 г.; **пропасть статкам нашим всем идет, прямо ж и сюды, сами посмотрите.** Тредьяк., 166, 1752 г.

Употребительность формы **сюды** возрастала вплоть до 18 в., но со второй половины 18 в. она резко сокращается, и после 18 в. в литературном языке форма **сюды** уже не наблюдается. В диалектах она продолжает широко употребляться и до настоящего времени, равно как и вариант ее **суды**. Кроме

того, в ряде говоров имеется в употреблении форма **сюды**, осложненная различными частицами: **сюдысь** (Мурманск. обл.), **сюдыка** (Карелия), **судыка** (Новгород.), **сюдыкась** (Псков., Калинин.), **сюдыкось**, **сюдыкася**, **сюдыкова** (Мурманск., Псков.), **сюдыяк**, **сюдыек** (Карелия).

Форма **сюда** отмечена только с лятивным значением: **Мнѣ сюда грядущю по сему пути и обрѣтохъ сдѣ на семь мѣстѣ челоуѣка лежаща...** ЧудНик, 37, XIV в.; **пословъ о миру чесномъ и пригожемъ сюда послати...** Док. 1517 г. (ДипДИ, 219); **да описат бы тебѣ про хлѣб и про домашнее сюда съ ѣздоками.** Письмо конца XVII в. (ИстНРЯ, 113); **Даудовъ приѣхалъ сюда сего месяца...** Док. 1710 г. (ДокАП, 37); **Веди сюда мошенника Тришку.** Фонв., 60, 1760 г.

Уже с первой половины 18 в. форма **сюда** начинает вытеснять из литературного языка форму **сюды**, но завершается этот процесс только к концу 18 в., так что после 18 в. в русском литературном языке с лятивным значением „в это место, в эту сторону“ остается лишь наречие **сюда**. Сходную картину о развитии наречий данной группы отражают и словари русского языка 17–19 вв. Форма **сюду** приводится в лексиконе Ф. Поликарпова 1704 г., но только в сочетании **сюду и сюду** [27, 125 об.]; то же самое дается и Академическими словарями 19 в. с пометами „слав.“, „церк.“ [34, VI, 652; 35, IV, 556]. Форму **сюдѣ** ни один из использованных нами словарей не приводит. Форма **сюды** получила заметное распространение с 16 в., поэтому даже словарь Памвы Беринды 1627 г. уже отражает ее [2, 252]. На протяжении 18 в. **сюды** приводится как обычная литературная норма [27, 125 об.; 6, 298; 8, 843], но уже Академический словарь 1789–94 гг. приводит ее с пометой „просторечное“ [33, V, 1080]. Наречие **сюда** в первой половине 18 в. становится широкоупотребительным, что и фиксируется лексиконами [6, 124; 21, 33; 8, 843]. В Академических словарях 19 и 20 вв. дается только **сюда**. Во всех использованных словарях формы **сюды** и **сюда** приводятся с лятивным значением. В русских говорах форма **сюда** также широко распространена, а в Карелии она отмечена не только с лятивным, но и с локативным значением „здесь“; встречается также форма **сюд** (Арханг., Вологод.), причем и с локативным значением (Вологод.).

Группа наречий с первым компонентом ту- <*tq-

Наречия этой группы представлены в древнерусских письменных памятниках формами **туду**, **тудѣ**, **туды**, **туда**.

Форма **туду**, уже не свойственная живому древнерусскому языку в письменный период, отмечена редко и только в памятниках сугубо книжного

характера, но тоже с разными значениями. Большая доля просекутивного значения „тем путем, через то место“ у формы **туду** еще чувствуется в примере: **и потопи чловѣкъ 5 тѣмъ и туду шьствующимъ кубаромъ вода покры...** ХронАмарт, 372, XIII в. Лятивное значение „в то место, в ту сторону“ имеет **туду** во фразе: **и не бяше въ земли тои ничтоже, ни пришель бяше чловѣкъ туду николи же.** СказР, 136; ОМак, 61, XIV в.

Форма **тудѣ** была более употребительна в первые века письменного периода и встречена с тремя пространственными значениями:

а) с просекутивным: **И прѣди текъ (Захѣи) възлезе на ягодичинъ да видить Исуса, яко тудѣ хотяше минут.** Арх. ев., 68, XI в.; **Куде володѣлъ Харитонъ по тои куплѣ въ Выгу рѣкъ... въ Камѣ рѣкъ... и ловища и пожни, тудѣ володѣти игумену Ивонѣ и всеи братии...** Док. 1459–69 гг. (ГрНП, 296); **Тое же весны приходилъ Олисовский подо Псковъ миритися, и замирилъ Полоцко, чтобы псковскимъ ратнымъ туде не воевати.** Псков. лет., 278, XVII в.

б) с локативным „в том месте“: **ихъ же градъ есть Смоленскъ, тудѣ бо съдять кривичи.** ПВЛ, 13, 1377 г.; **А черес сию мою грамоту кто имет тудѣ рыбы ловити или бобры... от меня быти ему в казни.** Док. 1423 г. (АСЭИ, I, 47).

в) с лятивным: **и възсхожаше до святыя горы елионьскыя и паки тудѣ же обращаешся...** СинПатер, 13, XII в.; **И шли на Кольвань, а назадъ тудѣ не смѣли проити.** УстЛС, 100, XVI в.; **амо же хотяше, туде шествие творяше...** Псков. лет., 186, XVI в. После 17 в. форма **тудѣ** не встречается ни в литературном языке, ни в диалектах. Академические словари 18 и 19 вв. приводят форму **тудѣ** с пометой „слав.“, как обычно отмечались не только действительно старославянские слова, но и слова устаревшие, встречаемые лишь в древних текстах.

Форма **туды**, как и другие формы на **-ды**, фиксируется памятниками с некоторым запозданием, только с 14 в., и тоже с тремя пространственными значениями:

а) с просекутивным: **А что подѣ пискуплимъ городомъ колода цересь рѣку за замъкомъ, а туды новгородскому купцю путь цистѣ.** Док. 1392 г. (ГрНП, 83); **а былъ ми, господине, розъѣздъ туды, куды перегороды стоятъ.** Док. 1518 г. (АрхСтр, 153); **Дворской на томъ лѣсъ былъ да указалъ... намъ между от Княсовои пустоши прямо лѣсомъ, а не туды, куды Никонъ сказываетъ.** Док. XVI в. (АСЭИ, I, 459).

б) с локативным значением употребление было уже пережиточным и встречается редко: **Куда же древле погании жряху бѣсомъ въ горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви... стоятъ.** Новг. I лет., 103, XV в.;

то земля и вода святыа Троица псковская вотчина великихъ князеи и всея Руси устрадаие, туды у нас и городи стоятъ. Псков. лет., 175, XVI в.

в) с лятивным: а опять ѣхати туды же на Новгородъ, а съ низу ти не слати. Док. 1307 г. (ГрНП, 20); а подводъ мнѣ ни корму не дали ни туды, ни сюды. Док. 1585 г. (ДипДИ, 949); тыи сотские... крепко бы за ними смотрили, туды ли они поехали, куды просились. Посошк., 156, 1724 г.; О домовитая Ласточка!... Ты часто как молния реешь мгновенно туды и сюды. Держ., 138, 1792 г.

Дольше всего держалось употребление туды с лятивным значением. Начиная с 16 в. оно даже бурно растет, но только до первой половины 18 в., а затем резко сокращается: форма туды уходит из литературного языка. Из всех словарей лишь лексикон Э. Вейсмanna 1731 г. успел ее зафиксировать [6, 233, 304]. Наречие туды с лятивным значением продолжает жить во многих русских говорах, где наряду с нею встречаются и варианты, осложненные разными частицами: тудысь (Мурманск. и Брянск. обл.), тудыка (Арханг., Пенз.), тудыкась (Псков.), тудыек (Карелия), тудылича, тудыличи (Тамбов., Пенз.), тудыкало, тудыкова (Мурманск.).

Форма туда отмечена в употреблении с 14 в., но в основном с лятивным значением. Остатки употребления с просекутивным и локативным значениями встречены в редких случаях: и торчи и печенези туда стаща отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ. Ипат. лет., 428, 1425 г.; и на верху гроба оконче створено и туда видити тѣло блаженныя Олгы лежаще цѣло. МусП, 24, XV в.; а куда мы имъ дорогу даемъ, и они туда не ѣздятъ. Док. 1498 г. (ДипПЛ, 246); ихъ же и городъ есть Смолѣнскъ, туда бо съдять кривичи... Ипат. лет., 8, 1425 г.

С лятивным значением: А что селище за Ревилы Малои, туда Якову не ходити. Док. 1308 г. (ГрНП, 318); Откуды естя пришли, туда и подите... Док. 1597 г. (ДипМП, 444); король полскои приѣхалъ изъ Торуня туда и просиль... на войско по 70 тысячъ полскихъ золотыхъ... Ведом., 7, 1703 г.; для нужныхъ оборонъ противу шел татар туда, где плещетъ Дон... Сумарок., 108, 1769 г.; Я приехалъ туда весь мокрый, весь в грязи... Карамз., 88, 1789 г.; Мы вольные птицы; пора, брат, пора! Туда, где за тучей белеетъ гора. Пушкин, Узник. С лятивным значением форма туда с 14 по 17 в. была употребительна гораздо меньше, чем форма туды, но с первой половины 18 в. употребительность ее стремительно возрастает, так что уже во второй половине 18 в. форма туда почти вытесняет из употребления форму туды, а к 19 в. остается единственным наречием данной группы, сохраняя только лятивное значение. Словарями русского языка форма туда отмечается, начиная с лексикона Э. Вейсмanna 1731 г., где она дается наряду с формой туды без каких-

либо ограничительных помет [6, 124]. Более поздние словари приводят форму **туда** как единственную норму для литературного языка [21, 33; 8, 860; 33, VI, 316; 34, VI, 804; 35, IV, 637; 36, XV, 1101]. В русских говорах наречие **туда** также сохраняется в употреблении, а наряду с ним и его варианты: **тудака** (Мурманск., Псков., Калинин.), **тудакась** (Псков., Калинин.), **тудаек** (Карелия), **тудакова** (Мурманск.).

Группа наречий с первым компонентом ону- < *онѣ-

Лишь две наречные формы этой группы нашли отражение в древнерусских памятниках: **онуду** и **онудѣ**.

Указательное местоимение **онѣ**, которое в общеславянском языке до распада трехчленной системы указательных местоимений указывало на наиболее отдаленный, далекий и даже невидимый предмет, к началу письменного периода совпадает по значению с местоимением **тъ**. В связи с этим утратилось различие наречий с **ту-** и **ону-** в первом компоненте. По этой причине формы с **ону-** перестают употребляться в русском языке к началу письменного периода. Сохранились подобные наречия только в некоторых славянских языках: серб. **онуд(а)** „туда, там, тем путем“; словенск. **onod** „тем путем“. В старопольском языке существовало наречие **onędy** „тем путем“, в старославянском были формы **онуду** и **онудѣ**. В древнерусском языке также встречаются наречия **онуду** и **онудѣ**, но в памятниках, созданных под большим влиянием старославянского языка.

В наших материалах форма **онуду** отмечена в двух примерах и только в сочетании **сюду** и **онуду**, в котором **онуду** выступает с льятивным значением: **Роскрили сюду и онуду простри къ богу, яко же нѣкогда Моиси... свои рущѣ простре...** Сузд. лет., 458, XIV в.; **Знамя же срама того знается оттуду, аще очес не мещет сюду и онуду, но смиренно я держит низу низпущенны.** СПол, 64, XVII в.

Форма **онудѣ** встречается с локативным значением: **сьде пиянство, а тамо велию жажду приемля, съде смѣшное гроходание, а онудѣ слъзы многы...** ИзЗлат, 10 б, XII в.; **сущен же онуде отъци съвѣтъ же примыше Савинъ.** ЖитСав, 46 об., XIII в.

Словари 17 и 18 вв., отражающие в основном старославянскую или церковнославянскую лексику, приводят только форму **онуду** [2, 291; 27, 104; 18, 30 об.]. Эту же форму Академические словари 19 в. дают с пометой „слав.“ [34, IV, 316], „церк.“ [35, III, 137]. Форма **онудѣ** отмечается лишь в „Материалах...“ И. Срезневского [38, II, 672], в текстах преимущественно старославянского происхождения.

Группа наречий с первым компонентом ову- < *ovq-

Указательное местоимение **овъ** сохранили не все славянские языки. До настоящего времени оно живет в польском, сербском и словенском языках; употреблялось оно когда-то и в старославянском языке. Древнерусский язык вследствие распада системы указательных местоимений утрачивал местоимение **овъ**, но оно еще встречалось в употреблении. Обычно **овъ** повторялось либо выступало в паре с местоимениями **инъ**, **други** при противопоставлении или перечислении [38, II, 595] со значением „тог“.

Наречия данного типа от местоименной основы **овъ** были свойственны славянским языкам, но сохранились не везде и не во всех вариантах. Так, в польском языке есть наречие **owędy** „тем путем“, в сербском — **овуд(а)** „сюда, здесь“. В старославянских памятниках встречается форма **овуду**; в древнерусском книжном языке **овуду** употребляется редко и явно пережиточно:

а) с просекутивным значением „тем путем“: **егда разболѣся Митяи, тогда корабѣ тои стояше на единомъ мѣстѣ, ни поступаю ни сѣмо ни овамо, а инии миноваху его сюду и ововуду.** МЛС, 198, XV в.

б) с локативным значением „в том месте“: **и пропяша, и съ нимъ дѣва суду и овуду, посрѣдѣ же Исуса.** Остр. ев., 220 об., XI в.; **и пропяша, и съ нимъ ина два сюду и оводу, посрѣдѣ же Исуса.** Галич. ев., II, 959, XII в.; **И видѣхъ ту множество свѣтлыхъ мужъ въ бѣлыхъ ризахъ стояще сюду и оводу окрестъ, елика зрю.** Соф. врем., XV—XVI вв. (38, II, 593).

Тройкое написание наречия **овуду** в небольшом количестве примеров ярко свидетельствует о затемнении формы у этого не свойственного живому русскому языку наречия. Словарями наречие **овуду** отмечалось [2, 291; 18, 30 об.], архаичность его подчеркивалась пометами „слав.“ [34, IV, 175], „церк.“ [35, III, 88].

Группа наречий с первым компонентом всю- < *vьsǫ-

Наречия данной группы представлены в наших материалах четырьмя формами: **всюду** (**всуду**), **всюдѣ** (**всудѣ**), **всюды** и **всюда**. Образовались все они от определительного местоимения **весь** (**вьсь**). Наречия эти очень древние, так как встречаются и в других славянских языках (болг. **всьде**; чеш. **všude, všudy, všady**; польск. **wszędy, wszędzie**; верхн. лужицк. **všudy, všudže**).

Возможно, что каждая из приведенных четырех форм в дописьменный период имела свой оттенок пространственного значения, но скорее всего все они образовались по аналогии с установившимися в общеславянский период

формами на *-*du, -*dĕ, -*dy, -*da* от указательных основ. Исходным значением форм **всюду, всюдѣ, всюды, всюда**, вероятнее всего, было дисперзивное, поскольку значение первого компонента (**всю-**) было определяющим и лучше всего выражало именно дисперзивное значение. Но дисперзивность легко можно представить и как локативность, так как любую площадь можно условно принять за точку. При глаголах же направленного действия дисперзивность приобретала дополнительный оттенок лятивности.

В древнерусском языке наречия данной группы выступали с двумя значениями:

а) с дисперзивно-локативным „во всех местах, повсеместно“: **Исходяще же прохождаху сквозѣ вси благовѣствующе и исцѣляюще всуду**. Остр. ев., 100, XI в.; и **вѣставъ скоро всюду рицеть да свое събереть стадо**. КирТур, 15, XII в.; **Мразъ силенъ поби жита всюду и бысть гладъ золь по всей земли**. Псков. лет., 21, XV в.; **Слава весьма огорчена вопиет тако всюду...** Тредьяк., 57, 1725 г.; **Всюду токмо чувство хладно иль измену нахожу**. Капнист, 128, 1790 г.; **Всюду по полу разлиты пунш и светлое вино**. Пушкин, Воспоминание. **И на дрѣвѣ же висѣвъ и свѣщами же всюдѣ опаляемъ...** Новг. мин., 335, XI в.; не тако скорпия или змиеве въ утробѣ нашей сѣдяти пакостять всюдѣ, якоже пища многостроина. Пчела, 247, XIV в.; и **всюде пребывати въ мужесовершенство и до славного твоего второго пришествия**. Каз. лет., 8, XVII в. **А коли пирь большой, ино всюды самому дозирати**. Домостр., 85, XVI в.; и **кормовъ конскихъ всюды много**. СпТяп., 574, XVII в.; **Знамение крестное да будет прекрасно изображено всюди**. Ф. Прокоп., 202, 1705 г. **А по христьянской земли веселие бысть всюда**. Новг. I лет., 85, XII в.; **А зимовали есмь в Чюпѣкрѣ, жили есмь два мѣсяца...** а **всюда вода да грязь**. ХожАН, 13, XVI в.; **Острова есть всюда**. ПалПис, 5, 1704 г.

б) с дисперзивно-лативным „во все места, во всех направлениях“: **Паулу яко подобникъ бывъ...** **всуду обиде по вселенѣи...** Новг. мин., 105, XI в.; **ти бо яко стрѣлы огньны носяще, текуще всюду, прогнаша демоны**. КнИзб, 68, XIII в.; **Кругом же ихъ злобие тайно назираше, всюду татарь разсылаше**. Сибир. лет., 341, XVII в.; **всюду да проходятъ вѣсти о мнѣ**. Ф. Прокоп., 192, 1705 г.; **всяк совался всюду...** Богд., 71, 1778 г.; **Мазепа всюду взор кидает и письма шлет из края в край**. Пушкин, Полтава; **аще ли не изволятъ всудѣ я отъ града изгонити...** Ефр. кормч., 174, XI в.; и **бы вода велика вельми въ Волховѣ, и всюде сѣно и дрѣва разнесе**. Новг. I лет., 26, XIII в.; **не на всякомъ мѣстѣ богъ и не всюдѣ зрит**. ВремТ, 349, XVII в. **А бог, рече, вездѣ съи, все исполняет и всюды зрит недреманным...** СочКурб, 208, XVI в.; и **велить у соляныхъ озеръ тебе, государю, служить**

всюды соль возить. Док. 1640 г. (ГрСиб, 459); **Не бойся, рек, — и всюды простер свой троугранный штык.** Держ., 76, 1790 г.

На протяжении всего письменного периода наиболее употребительной из всех четырех была форма **всюду**. Как и все формы на -ду, она встречается в основном в источниках церковно-книжного и художественно-повествовательного жанра. Но это была живая форма, и русский литературный язык сохранил наречие **всюду** до настоящего времени, но лишь с дисперзивно-локативным значением. Употребление этой формы с дисперзивно-лятивным значением на протяжении всего письменного периода было несколько ограниченным, поскольку выступало только при глаголах направленного действия; оно и сейчас не стало широким, да и не воспринимается как литературное. По-видимому, поэтому форма **всюду** приводится в словарях 18—20 вв. только с указанием на его дисперзивно-локативное значение „везде, повсеместно“ [27, 64; 6, 460; 8,86; 33, I, 666; 34, I, 774; 35, I, 387; 11, I, 272; 36, II, 898].

Форма **всюды** в языке письменных памятников была менее употребительна, поэтому, хотя и встречается до конца 18 в., словари, за исключением лексикона Памвы Берынды [2, 19], ее не приводят. Но для древнерусского языка это была живая форма, она закрепилась как норма в других восточнославянских языках (укр. **всюди, усюди**; белорус. **ўсюды**). Формы **всюде** и **всюда** после 17 в. не встречаются, нет их и в современных диалектах, в которых широкое распространение сохранили формы **всюду (усюду)** и **всюды (усюды)**; в брянском говоре наряду с ними по образцу отыменных образований в форме предложного падежа множ. числа возникли формы **всюдух (усюдух), всюдых (усюдых), всюдах (усюдах)**.

Закрепление за наречием **всюду** в основном дисперзивно-локативного значения привело к тому, что оно стало равнозначно выступать с наречием **везде**. Близость значений этих наречий возникла еще в древности, наблюдается она и в старославянском языке [50, 16]. Но со временем, например, болгарский язык удержал с этим значением только наречие **всьде** „везде, всюду“; польский — **wszędy** „всюду“, **wszędzie** „везде“; чешский — **všudy, všude, všady** „везде, всюду“. И лишь русский язык с дисперзивно-локативным значением сохраняет обе формы разных типов, которые иногда и употребляются вместе — **везде и всюду**.

К рассматриваемому типу наречий относится еще одна группа: с первым компонентом **ину-** < ***ino-**. В древнерусских памятниках отмечены четыре наречия этой группы: **инуду, инудѣ, инуды** и **инуда**. Все они встречаются вплоть до 18 в., но развитие их значений тесным образом было свя-

зано с развитием средств выражения неопределенности, поэтому эволюцию наречий данной группы целесообразнее показать вне рамок этой статьи.

Итак, пространственные наречия на **-ду, -дѣ, -ды, -да** в древнерусском языке употреблялись со следующими значениями: 1) просекутивными — „каким путем“ (**куду, кудѣ, куды, куда, уду**), „этим путем“ (**сюду, сюды**), „тем путем“ (**туду, тудѣ, туды, туда, оуду**); 2) локативными — „в каком месте“ (**куда, уду**), „в этом месте“ (**сюду**), „в том месте“ (**тудѣ, туды, туда, онудѣ, оуду**); 3) лятивными — „в какое место, в каком направлении“ (**кудѣ, куды, куда, уду**), „в это место, в этом направлении“ (**сюду, сюдѣ, сюды, сюда**), „в то место, в том направлении“ (**туду, тудѣ, туды, туда, онуду**); 4) дисперзивно-локативным „везде, повсеместно“ (**всюду, всюдѣ, всюды, всюда**) и 5) дисперзивно-лятивным „во все места, во всех направлениях“ (**всюду, всюдѣ, всюды**). Как видим, для выражения одного и того же значения в древнерусском языке могло быть употреблено по несколько форм. Если когда-то эти формы и имели свои оттенки того или иного значения, то к описываемому периоду различия уже утратились, значения ряда форм совпали, нивелировались — возникла избыточность, которая ликвидируется вытеснением всех синонимичных форм единственной формой. Окончательное закрепление определенных пространственных значений за отдельными наречными формами завершается в основном к 19 веку. Происходит следующее: 1) сокращается количество местоименных основ, выступающих в составе наречий в качестве первого компонента: сохраняются только образования от местоимений ***къ, *тъ, *сь, *вьсь**, а наречия от местоимений ***жь, *опъ, *овъ** полностью уходят из языка; 2) вследствие развития всей системы местоименных наречий пространственного значения наречия на **-ду, -дѣ, -ды, -да** утрачивают просекутивные, локативные и дисперзивно-лятивное значения и сохраняют только лятивные и дисперзивно-локативное значения; 3) многообразие форм для передачи одного значения не могло утвердиться в нормированном литературном языке; в нем с 18 в. постепенно закрепляются формы на **-да** (на **-ду** только **всюду**), а все остальные перестают употребляться.

Таким образом, из всех наречий рассматриваемого типа в употреблении остались следующие: **куда** со значением „в какое место, в каком направлении“, **сюда** — „в это место, в этом направлении“, **туда** — „в то место, в том направлении“ и **всюду** — „везде, повсеместно“. Такое употребление стабилизировалось в русском литературном языке уже в 19 веке и сохраняется до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

1. Белич А. О значаю прилога (адверба) за езичку систему индоевропских езика, Глас 156, Београд, 1933.
2. Берында Памва. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627.
3. Богданов В. В. Грамматика русского языка (этимология, сближенная с синтаксисом). М., 1897.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
5. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
6. Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб, 1731 (автор указан в предисловии).
7. Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.
8. Гельтергоф Ф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом, ч. 1—2. М., 1778.
9. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
10. Давыдов И. Опыт общесравнительной грамматики. СПб, 1852.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
12. Добровский И. Грамматика языка славенского, ч. I. СПб, 1833.
13. Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965 (изд. 5-е).
14. Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960.
15. Ильинский Г. А. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902.
16. Ильинский Г. А. Сложные местоимения и окончания родительного падежа ед. числа муж., среди родов нечленных местоимений в славянских языках. М., 1905.
17. Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
18. Лексикон сиречь словесник славенский. Супрасль, 1722.
19. Лескин А. Грамматика старославянского языка. М., 1890.
20. Лескин А. Грамматика древнеболгарского языка. Казань, 1915.
21. Литхен И. Ф. Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита, ч. 1—2. СПб, 1762.
22. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
23. Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1911.
24. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
25. Оловеникова Т. С. Структурные группы и значения наречий по данным южновеликорусских текстов 16—17 вв. Канд. диссерт., Орел, 1963.
26. Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.
27. Поликарпов Ф. Лексикон треязычный... М., 1704.
28. Попов А. В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.
29. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1—2. М., 1959.
30. Рыжов Н. С. Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках 11—14 вв. Канд. диссерт., М., 1952.
31. Самойленко С. Ф. Из истории восточнославянских местоимений. Докт. диссерт., ч. 1—2, Л., 1959.
32. Светловская Н. Н. Типы отыменных и отместоименных наречий, засвидетельствованных памятниками 15—17 вв. Канд. диссерт., М., 1955.

* В тексте цифры в квадратных скобках означают: первая — порядковый номер по данному списку, следующие — том и страницы.

33. Словарь Академии Российской, ч. I—VI. СПб, 1789—1794.
34. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб, 1806—1822.
35. Словарь церковно-славянского и русского языка, т. I—IV. СПб, 1867—1869.
36. Словарь современного русского литературного языка, изд. АН СССР, т. 1—17. М.—Л., 1948—1965.
37. Соболевский А. И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.
38. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб, 1893—1903.
39. Толмачев Я. Аналитическая филология о составе и образовании русского языка. СПб, 1859.
40. Федорук-Галкина Е. М. Наречие в современном русском языке. М., 1939.
41. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
42. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб, 1889.
43. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
44. Ян Я. Старославянское наречие как член предложения. *Slavia*, г. XXXVI, s. I, Praha, 1967.
45. Brugmann K. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd. 2. Berlin—Leipzig, 1933.
46. Brugmann K. *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen*. „Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften“, Bd. XXII, N. VI, Leipzig, 1904.
47. Doritsch A. *Gebrauch der altbulgarischen Adverbia*, Leipzig, 1910.
48. Fokos D. A. *Névrágazás történetéből*, „Nyelvtudományi Közlemények“, Budapest, 1956.
49. Hirt H. *Indogermanische Grammatik*, Bd. III, Heidelberg, 1927.
50. Jahn J. *K vývoji slovanských místních adverbii na -de, -mo, -od-*. *Acta universitatis palackianae Olomucensis*, IV, 1961.
51. Jahn J. *Slovanské adverbium*. *Acta universitatis palackianae Olomucensis*, XVIII, 1966.
52. Karstien H. *Vergleichende Untersuchungen zum slavischen Adverb*, Bd. I, Berlin, 1936.
53. Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.
54. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886.
55. Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen...*, Bd. II, Wien, 1875.
56. Tauli V. *The Structural Tendencies of Languages*, t. I., „*Annales Academiae Fennicae*“, ser. B, t. 115, Helsinki, 1958.
57. Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.
58. Vondrak W. *Altkirchenslavische Grammatik*, Berlin, 1912.
59. Vondrak W. *Vergleichende slavische Grammatik*, Bd. 2., Göttingen, 1924—1928.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Аблесімов — А. Аблесімов. Мельник — колдун, обманщик и сват. А. В. Кокорев. Хрестоматия по русской литературе 18 в., М., 1965.
- АГол — Акты, относящиеся до рода дворян Голохвостовых (15—16 вв.). Чтения ОИДР, 1847, кн. 3 и 4.

- АкАрх — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии (15—17 вв.), Русская Историческая Библиотека (РИБ), т. XXV, СПб, 1908.
- АкУст — Акты Устюжской епархии, РИБ, т. XII, СПб, 1890.
- Алекс. — Александрия (15 в.), М.—Л., 1966.
- АРев — Русские акты Ревельского городского архива (14—17 вв.), РИБ, т. XV, СПб, 1894.
- Арх. ев. — Архангельское евангелие, рукопись ГПБЛ, 1092 г.
- АрхСтр — Архив Строева (акты 15—16 вв.), РИБ, т. 32, Петроград, 1915.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории сев-вост. Руси конца 14 — начала 16 вв., т. 1, М., 1952; т. 2, М., 1958.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства 14—16 вв., ч. 1, М., 1951; ч. 2, М., 1956.
- Богд. — И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы, Л., 1957.
- БорГл — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. Сб. 12 в. Московского Успенского собора, Чтения ОИДР, 1899, кн. 2.
- Ведом. — Ведомости времен Петра Великого, вып. I (1703—1707 гг.), М., 1903.
- Венч. — О венчании на царство (док. 14—18 вв.), Чтения ОИДР, 1883, кн. 1.
- ВоинП — Воинские повести древней Руси, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1949.
- ВремТ — Временник дьяка Ивана Тимофеева, РИБ, т. 13, СПб, 1892.
- Галич. ев. — Галичское евангелие 1114 г., изд. Амфилохий, т. 1—2, М., 1882—1883.
- ГрНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, изд. АН СССР, М.—Л., 1949.
- ГрОтр — Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его, Чтения ОИДР, 1847, кн. 9.
- ГрСиб — Грамоты Сибирские (17 в.). Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2, М.—Л., 1941 (приложение).
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 14—16 вв., изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- Держ. — Г. Р. Державин. Стихотворения, М., 1958.
- ДипДИ — Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными, т. I (1488—1594 гг.), СПб, 1851.
- ДипМП — Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, изд. Н. И. Веселовский, т. I (царствование Федора Иоанновича), СПб, 1880.
- ДипПЛ — Памятники дипломатических сношений Моск. государства с польско-литовским, т. 1 (1487—1533), СПб, 1882.
- ДокАП — Документы по делу царевича Алексея Петровича, Чтения ОИДР, кн. 3, 1861.
- Домостр. — Домострой Сильвестра (Коншинский список 16 в.), Временник ОИДР, кн. 1, 1849.
- ДТПр — Дела Тайного Приказа, РИБ, т. 22, СПб, 1908.
- Ефр. кормч. — Ефремовская кормчая (11 в.), изд. В. А. Бенешевич, СПб, 1906.
- ЕфрС — Поучение Ефрема Сирина, рукопись ЛГПБ (Погод. 71—а), 1288 г.
- ЖитАввак — Житие протопопа Аввакума, ГИХЛ, М., 1960.
- ЖитСав — Житие Саввы Освященного, рукоп. ЛГПБ (ОЛДП Q CVI), 13 в.

- ИзбСв 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, изд. ОИДР, М., 1884.
- ИзбСв 1076 — Изборник Святослава 1076 г., изд. В. Шимановский, Варшава, 1887.
- ИзЗлат — Златоустрий Иоанна Златоуста, рукоп. ЛГПБ (Q n I 74), 12 в.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 2, СПб, 1908.
- ИстНРЯ — С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка 17—начала 18 в., М., 1964.
- Каз. лет. — Казанский летописец (Соловецкий сп. 17 в.), ПСРЛ, т. 19.
- КазИст — Казанская история (16 в.), М.—Л., 1954.
- КанПр — Памятники древнерусского канонического права (11—15 вв.), РИБ, т. 6, СПб, 1880.
- Капнист — В. В. Капнист, Собрание сочинений (в 2 т.), т. I, М.—Л., 1960.
- Карамз. — Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1964.
- КирТур — Творения Кирилла епископа Туровского российской ветви 12 в., Памятники российской словесности 12 в., изд. К. Калайдович, М., 1821.
- КнИзб — Книга нарицаемая изборник и от многих отец толкования, рукоп. ЛГПБ (Q n I 18), 13 в.
- Леств. — Лествица (1407 г.), Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравов, т. I, СПб, 1863.
- МефПат — Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен (15 в.), Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравов, т. 2, М., 1863.
- Милят. ев. — Милятино евангелие, рукоп. ЛГПБ (F n I 7), 1215 г.
- МЛС — Московский летописный свод конца 15 века, ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949.
- МусП — Мусин—Пушкинский сборник 1414 г., изд. В. Срезневский, Записки Имп. Акад. наук, т. 72, кн. 1, СПб, 1893.
- Новг. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь (1095—1097 гг.), изд. И. В. Ягич, СПб, 1886.
- Новг. I лет. — Новгородская I летопись старшего и младшего (13 и 15 вв.), изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- ОМак — О Макарии римском (14 в.), Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравов, т. 2, М., 1863.
- Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 гг., Фотолитография, СПб, 1883.
- ПалПис — Паломники-писатели петровского времени (1704—1712 гг.), Чтения ОИДР, 1873, кн. 3.
- ПВЛ — Повесть временных лет (по Лаврентьевскому сп. 1377 г.), под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
- ПисКЗ — Письма Екатеринославского губернатора В. В. Каховского... для доклада князю П. П. Зубову (1792—94 гг.), Записки Одесского общ. истории и древностей, т. 12, Одесса, 1861.
- ПисСП — Письма правителя Екатеринославского наместничества И. М. Синельникова... князю Г. А. Потемкину-Таврическому (1783—1788 гг.), Записки Одесск. общ. истор. и древн., т. 9, Одесса, 1875.
- ПовЕфр — Повесть о Ефросинии Псковском (16 в.), Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 4, СПб, 1862.

- ПослИВ — Послания Иосифа Волоцкого (15 в.), М.—Л., 1959.
- Посошк. — Сочинения Ивана Посошкова, изд. М. Погодин, М., 1842.
- Псков. лет. — Псковские летописи (списки 15, 16 и 17 вв.), под ред. А. Н. Насонова, вып. 2, М., 1955.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 т., М., 1949—1950.
- Пчела — Древняя русская пчела (14—15 вв.), Сборник ОРЯС, т. 54, СПб, 1883.
- РЛА — Русско-ливонские акты (12—16 вв.), собр. К. Е. Напьерский, СПб, 1868.
- РусП — Русская повесть 17 века, ГИХЛ, М., 1954.
- Сибир. лет. — Сибирские летописи, изд. Имп. Археограф. комис., СПб, 1907.
- СинПатер — Синайский патерик (12 в.) рукоп. Госуд. истор. муз. (Синод. 551).
- СказР — Сказание о рае (14 в.), Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 3, СПб, 1862.
- СокрПал — Сокращенная Палея русской редакции (16 в.), Чтения ОИДР, 1881, кн. 1.
- Соф. врем. — Софийский временник (по рукоп. 15—16 вв.), изд. П. Строев, М., 1820—1821.
- СочКурб — Сочинения князя Курбского, РИБ, т. 31, СПб, 1914.
- СПол — Симеон Полоцкий, Избранные произведения, М.—Л., 1953.
- СПТяп — Список с статейного списка великого государя его царского величества посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова (1681 г.), Записки Одесск. общ. истор. и древн., т. 2, Одесса, 1850.
- Стогл. — Стоглав (сбор бывший в Москве при великом государе и великом князе Иване Васильевиче, ок. 1551 г), Лондон, 1860.
- СудСол — Суды царя Соломона (16 в.), Памятн. отреч. рус. литературы, т. I, СПб, 1863.
- Сузд. лет. — Суздальская летопись (по Лаврентьевскому списку 1377 г.), ПСРЛ, т. 3, вып. 2, Л., 1927.
- Сумароков — А. П. Сумароков. Избранные произведения, Л., 1957.
- Травн. — Русские простонародные травники и лечебники, Собрание медицинских рукописей 16 и 17 столетия проф. В. М. Флоринского, Казань, 1879.
- Тредьяк. — В. К. Тредьяковский. Избранные произведения, М.—Л., 1963.
- УстЛС — Устюжский летописный свод (16 в.), изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- Фонв. — Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма, М., 1947.
- Ф. Прокоп. — Феофан Прокопович. Сочинения, М.—Л., 1961.
- ХожАН — Хождение за три моря Афанасия Никитина (сп. 16 в.), М.—Л., 1948.
- ХожБог — Хождение богородицы по мукам (12 в.), Памятн. отреч. рус. литературы, изд. Н. Тихонравов, т. 2, М., 1863.
- ХожДан — Житие и хождение Даниила русьския земли игумена, Православный Палестинский сборник, вып. 3 и 9, СПб, 1885.
- ХожКор — Хождение Трифона Коробейникова 1593—1594 гг., изд. Х. Лопарев, Правосл. Палест. сб., т. 9, вып. 3, СПб, 1889.
- ХронАмарт — Книги временныя и образныя Георгия мниха (Хроника Георгия Амартыла, списки 13—14 и 15 вв.), изд. В. М. Истрин, т. I, Петроград, 1920.
- ЧудНик — Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мир-Ликийского чудотворца (14 в.), Памятники ОЛДП, т. 72, СПб, 1888.

ÜBER EINIGE RUSSISCHE PRONOMINALADVERBIEN DER RÄUMLICHEN BEDEUTUNG

A. KONEWECKIJ

Zusammenfassung

Im Beitrag wird morfologische und semantische Entwicklung einiger Pronominaladverbien der räumlichen Bedeutung im Russischen in der Periode des Schrifttums behandelt.

Unter den ältesten Pronominaladverbien, die sich von der Kasusform des Demonstrativpronomens gebildet und sich im Altrussischen erhalten haben, ist das vieldeutige Adverb **ту** (туда, тут, тутю usw.); in der modernen russischen Sprache erhält das Adverb **ту** nur eine Bedeutung „здесь“.

Alle übrigen russischen Pronominaladverbien haben sich durch die Zusammensetzung der pronominalen Stämme gebildet.

Im Altrussischen hatten die Adverbien auf -ду, -дѣ, -ды, -да (куда, туда, сюда u.d.ä), die von vielen pronominalen Stämmen entstanden sind, verschiedenartige Schattierungen der räumlichen Bedeutung: prosekutive, lokative, lative, dispersiv-lokative und dispersiv-lative.

In der Periode des Schrifttums erfuhren diese Adverbien folgende Veränderungen: 1) es verringert sich die Anzahl der pronominalen Stämme, die als erste Komponente auftreten: es erhalten sich die Bildungen auf **ку-, сю-, ту-, всю-**; vollständig gehen die Bildungen auf **ю-, ону-, ову-** verloren; 2) infolge der Entwicklung des ganzen Systems der Pronominaladverbien der räumlichen Bedeutung verlieren die Adverbien der gegebenen Gruppe prosekutive, lokative und dispersiv-lative Bedeutungen und erhalten lediglich lative und dispersiv-lokative; 3) die Vielfältigkeit der Formen zur Wiedergabe einer Bedeutung konnte sich in der normierten Literatursprache nicht erhalten; seit dem 18. Jahrhundert bürgern sich allmählich nur die Formen **куда, сюда туда** und **всюду** ein, die übrigen kommen außer Gebrauch.